

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ФОРМЫ СУВЕРЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

М.В. Ильин

Начать необходимо с некоторых пояснений. Речь пойдет не об альтернативах государству, а об альтернативных формах государственной организации. Дело в том, что за привычными для нас словами «государство» (*the state etc.*), а тем более «государственность» (*statehood, stateness etc.*) скрывается не одно ясно концептуализируемое явление или предмет изучения, а целый набор разнородных явлений и предметов, выражаясь образно — существа разных видов и пород. Так, на уровне того, что мы привычно именуем государствами, существуют признанные члены мирового сообщества, среди которых попадают существа разных пород и видов, а то и отрядов и семейств. Это гигантские державы (США, Россия, Китай, Индия и т.п.) и крохотные острова (Барбадос, Сингапур, Мальта и т.п.), демократические республики (Италия, Чили, Молдова и т.п.) и наследственные монархии (Бруней, Оман, Марокко и т.п.), старинное и всеми признаваемое Швейцарское клятвенное сотоварищество и полупризнанное, только возникающее Палестинское государство.

Почему же мы все-таки именуем существа разных видов одним словом — «государство»? Да потому, что различные политические системы или политики при всех своих различиях в ходе своего взаимодействия могут обрести большую степень сходства. Подобного рода сходства многие политологи и, шире, обществоведы характеризуют как аффинность (*affinity*) или сродство, а также как семейное сходство. В данном случае речь идет именно о подобии свойств разнородных явлений, т.е. не о родстве, а сродстве, породнении, свойстве. Одинаковые или аналогичные черты появляются у сосу-

ществующих предметов — языков, культур, политий в результате их совместного существования.

Стоящее за словом «государство» семейное сходство объединяет территориальные политии, выступающие как ячейки координатной сетки мировой политики. Без этой сетки и ее ячеек всемирные взаимодействия, да и вообще львиная доля повседневных контактов на разных уровнях были бы попросту невозможны. Чтобы эти контакты могли осуществляться и координироваться, любое место и время действия на нашей планете должны быть соотнесены с правовыми рамками той или иной ячейки. Сами же действия должны совершаться по соответствующим правилам (законам), их правомерность — оспариваться или подтверждаться в судах и т.п. Конечно, отдельные ячейки сильно отличаются друг от друга. Нередко они качественно отличны. Порой историческое развитие усиливает своеобычность некоторых территориальных политий до удивительной степени. И вместе с тем они принадлежат к одной семье ячеек мировой координатной сетки. И в силу этого обладают семейным сходством.

Две стороны государственности

Для обозначения содержательных, сущностных моментов семейного сходства государств удобно использовать слово «государственность». То, что мы называем государственностью¹, по-английски

¹ В отечественной научной традиции слово *государственность* используется также для расширительного обозначения всех достаточно обобщенных и опосредованных форм политической организации, оставляя вне этой широчайшей понятийной категории

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

передается двумя словами: *statehood* («издавна») и *stateness* («сравнительно недавно»). За ними стоят два разных понятия. Это «статусность как принадлежность к сообществу государств-состояний» (*statehood*), а также «состоятельность как соответствие своей собственной природе государства-состояния» (*stateness*).

Нет нужды доказывать, что координатная сеть неоднородна. Да она и не может быть иной. Различия между ее ячейками определяются отчасти их статусностью, но в гораздо большей степени состоятельностью. Очень многое зависит от того, в каком отношении мы рассматриваем ту или иную территориальную политику. Какой аспект государства нам важен, такой облик приобретает сам наш предмет. На это обращал внимание еще Жан-Жак Руссо: «Эта общественная личность (*personne publique*), составленная путем соединения всех остальных личностей, называлась в прежние времена градом (*cite*), а теперь — республикой или политическим телом (*corps politique*), которое именуется своими членами Государством (*Etat*), когда оно недвижно, и сувереном (*souverain*), когда оно действует, в соотношении же с подобными ему — державою (*puissance*)»².

Можно предложить аналогию. Астрономы используют разные инструменты для изучения звездного неба. В привычном диапазоне спектра они видят одни созвездия, в инфракрасном диапазоне — другие, в рентгеновском — третьи. Звезды остаются звездами, но перед нами они предстают по-разному в зависимости от того, что мы хотим, и что нам дано увидеть.

разве что структуры власти в первобытном роде и в некоторых более сложных структурах типа вождеств. Здесь также имеется широкая промежуточная зона так называемой ранней государственности.

² Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права. М.: Госсэпкгиз, 1938. С. 13–14.

То же самое и с покрывшей всю Землю оболочкой координатной сетки государств. Посмотрим ли мы на них сквозь призму их статусности, или состоятельности, или их цивилизационной принадлежности, или моделей государственного строительства — каждый раз перед нами возникнет свой облик. Мы расположим государства относительно друг друга, получим их классификацию, своего рода карту сообщества государств. Ни одна из этих карт не будет совершенной, исчерпывающей. Чтобы составить достаточное полное и целостное представление, нам потребуется создать целый атлас карт. Собственно, этот принцип и был использован при работе над «Политическим атласом современности»³.

Типология государств на основе их статусности

Самая простая типология государств исходит из критериев статусности и основывается на параметрах масштабности государств и их функций в международных системах. Отталкиваясь от типологии Жозепа Коломера, выделившего большие империи, суверенные государства среднего масштаба и малые нации⁴, предложим различать четыре основных класса: мега-, макро-, мини- и микрогосударства.

Мегагосударства — это большие многосоставные политии с относительно усиленными внешними аспектами суверенности и избыточной статусностью. У этих политий сильно выражен имперский синдром. Важнейшей функцией мегагосударств является организация

³ Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю. и др. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М.: МГИМО, 2007; См. также посвященный проекту специальный выпуск сборника научных трудов «Политическая наука». М., 2007. № 3.

⁴ Colomer J.M. Great Empires, Small Nations: The Uncertain Future of the Sovereign State. L., N.Y.: Routledge, 2007.

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

международной среды. Это традиционная роль так называемых великих держав (*the great powers, die Großmächte, les grandes puissances etc.*). Считается, что великие державы вступают в качестве центров силы и влияния. Это во многом устаревшее представление в целом верно, хотя точнее было бы охарактеризовать мегагосударства как своего рода концентраторы ресурсов, которые используются для предоставления общественных благ (*public goods*)⁵.

Обобщая разные показатели, а главное — учитывая, до какой степени та или иная политика выступает в качестве особого центра влияния и предоставления общественных благ, можно предложить следующий список мегагосударств: США, Россия, Китай, Япония, с оговорками Великобритания, Германия и Франция, а также в ограниченном смысле Индия, Бразилия и, может быть, Южная Африка, которая, по данным «Политического атласа современности», устойчиво образует общий кластер с Бразилией.

При всей своей ведущей роли мегагосударства не в состоянии обеспечить полноценное существование соответствующих сетей. Оно предполагает наличие и других участников — на то она и сеть. Отнести исключительно на их счет ответственность за международные режимы, сети и обеспечение соответствующих общественных благ было бы сильным отступлением и от истины, и от прагматики мирового политического процесса. Исключительной функцией, которую способны осуществлять мегагосударства, является создание глобальных полярностей и соответствующего потенциала. В этом

⁵ Под общественными благами понимаются те полезные результаты, которые, с одной стороны, соответствуют ожиданиям индивидов или групп людей, а с другой — обретаются благодаря управляющим и/или координирующим действиям центров власти или институциональным возможностям для инициативных действий самих реципиентов благ.

смысле они обязательно аномальны, поскольку создают некий избыток потенциала. Их предназначение — в создании контрапункты сотрудничества/соперничества с другими аномально избыточными политиями. Эти контрапункты становятся ориентирами для некоторых других государств, на долю которых достается прорисовывание конфигурации отношений между полюсами. Кто же оформляет силовые линии, связывающие мегагосударства? Эта роль в основном принадлежит макрогосударствам.

Макрогосударства — это довольно крупные политии с относительно сбалансированными внешними аспектами суверенности и достаточной статусностью. Они обладают значительным населением, территорией и ресурсной базой.

Важнейшей функцией макрогосударств в мировой политике является, как уже отмечалось, оформление силовых линий между полюсами международной системы, которые создаются мегагосударствами. Что это означает практически? Между полюсами существует большой перепад потенциалов, связанных не только с мощностью и ресурсами, но и с различными общественными благами. Непосредственный контакт, когда бы он был возможен, привел бы к своего рода «короткому замыканию». Нужны изолирующие и посредующие возможности. В роли посредников как раз и выступают макрогосударства. Они не только используют и транслируют предоставляемые мегагосударствами ресурсы и общественные блага, но также вносят в эти потоки свои собственные ресурсы и общественные блага, усиливая тем самым силовые линии мировой системы.

Специфические «семейные сходства» — функции, институты и практики — благодаря диффузии наиболее активно распространяются и закрепляются в «срединных» макрогосударствах, но отчасти проникают также с одной стороны в мегагосударства, а с другой — в мини- и микрогосударства. Среди них многие

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

особенности государств, которые считаются чуть ли не нормативными, например монополизация принуждающего насилия, чеканка монеты, взимание налогов и сборов, наличие адекватных армий и пограничного режима и т.п. В этом смысле ядро макрогосударств может рассматриваться как группа, в которой легко найти примеры эмпирического приближения к нормативному идеалу «совершенных емкостей власти» (*complete power containers*)⁶. Данное обстоятельство способствует тому, что не слишком чувствительные к различию действительности и ее аналитических аспектов исследователи переносят аналитическое требование «совершенства емкости власти» на всю генеральное сообщество разнотипных государств.

Данные особенности присущи отнюдь не всей мировой совокупности государств. Даже в совокупности макрогосударств они характерны, скорее, для ядра группы, чем для ее периферий. Те макрогосударства, которые приближаются к типу мини-государств, могут демонстрировать ослабленные «семейные сходства».

Отклонения связаны с попытками использовать свой потенциал, чтобы занять достаточно самостоятельную позицию. Это может повлечь позиционирование страны вне силовых линий мировой системы, а при отягчающих обстоятельствах острой конфронтации с одним или несколькими лидерами международной системы привести к попаданию в класс государств-изгоев.

Мини-государства — это небольшие политии с относительно очень умеренными внешними аспектами суверенности и ослабленной статусностью. Они обладают небольшими населением и территорией. У них достаточно сильно выражен комплекс зависимости, хо-

тя в некоторых аспектах они в состоянии обеспечивать вполне самостоятельное проведение внутренней и даже внешней политики. При этом повестка этих политий оказывается суженной, что позволяет экономить ресурсы путем либо уклонения от решения отдельных вопросов, либо использования при их решении внешней поддержки мега- и макрогосударств, а также международных организаций. Данные обстоятельства в значительной степени формируют «семейное сходство» мини-государств. Они, например, по большей части вынуждены выбирать между положением сателлита или нейтральной страны. Это, естественно, накладывает отпечаток на общий характер стилистики политического поведения, принятия решений и т.п.

Важнейшей функцией мини-государств является насыщение силовых линий мировой политики разнообразным потенциалом. Благодаря этому насыщению силовые линии становятся богаче. Пунктирно намеченные макрогосударствами силовые линии благодаря подключению мини-государств обретают контуры и нюансировку. Располагаясь вдоль силовых линий, эти политии в то же время могут в той или иной степени отклоняться от них и создавать тем самым более или менее широкие «полосы», «дуги», «сгустки» на отдельных картах «Политического атласа современности»⁷.

Заметно уклониться от силовых линий и занять самостоятельную позицию мини-государствам крайне сложно. Это может отчасти обеспечиваться статусом нейтральной страны, что до той или иной степени используется мини-государствами. Однако подобный подход имеет свои пределы. Если сильно переборщить с дистанцированием от мега-

⁶ Hall J.A. Introduction: nation states in history// The Nation State in Question. Princeton: Princeton University Press, 2003. P. 15.

⁷ Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю. и др. М.: МГИМО, 2007.

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

государств, то возникает риск попасть в класс государств-изгоев.

Микрогосударства — это совсем малые политии с существенно ослабленными внешними аспектами суверенности и низкой статусностью. Микрогосударства обладают весьма ограниченным населением и территорией. У них очень сильно выражен комплекс зависимости. Важнейшей функцией микрогосударств является чисто инструментальная роль формального самоопределения территорий, которые по разным причинам не могут находиться под прямым контролем мега- или макрогосударств.

Класс мини-государств отличается своим набором групповых «семейных сходств». К их числу относятся демонополизация принуждающего насилия, принятие иностранной валюты как внутренней денежной единицы, включение во внешние таможенные режимы, свертывание армий вплоть до полного отказа от них и т.п.

Особый класс непризнанных государств

Четыре основных класса государств образуют основную массу ячеек координатной сетки мировой политики. Однако существуют такие ячейки, которые не обладают полной статусностью, т.е. официально не признаны сообществом государств. Они образуют особый класс непризнанных (*unrecognized*) или самопровозглашенных (*self-proclaimed*) государств-состояний. Это разные по своему характеру политии с предельно проблематизованными внешними аспектами суверенности и весьма неопределенной статусностью.

У данного класса политий отчетливо выражен конфликт между собственным стремлением занять подобающее место в координатной сетке мировой политики, стать ее ячейкой (самопровозглашение) и нежеланием достаточно влиятельных участников мирового сообщества согласиться с изменением конфигурации координатной сетки и соответствующи-

ми изменениями международных границ (непризнание). Фактически в большинстве случаев приходится иметь дело не столько с полным отсутствием признания, сколько с частичным признанием или непризнанием той или иной политии.

Непризнанные и самопровозглашенные государства обладают самыми разными характеристиками. В настоящее время они в основном невелики по своему масштабу. Это объясняется, скорее, высокой степенью проработанности и интегрированности мировой координатной сетки. Всего полвека назад место крупнейшего мегагосударства КНР в ООН занимала Китайская Республика, которая ныне превратилась в непризнанное государство Тайвань.

Класс непризнанных и самопровозглашенных государств отличается своим набором групповых «семейных сходств». К их числу относится гипертрофированная концентрация усилий на обеспечении безопасности, а также ограниченные возможности по включению в сети экономики, безопасности и коммуникаций, будь они имперского или меньшего размера.

Важнейшей функцией непризнанных и самопровозглашенных государств является диагностирование сбоя в функционировании координатной сетки. В случаях, когда соответствующие политии оказались способны обеспечить минимально достаточный уровень политического и правового порядка, а также ресурсы его обеспечения, включая и высокий уровень его легитимации населением соответствующих территорий, процесс фактического признания начинает становиться фактом. Он заходит так далеко, как это позволяют, с одной стороны, необходимость включения соответствующей ячейки в мировую координатную сетку, а с другой — противодействие тех или иных акторов международной системы. Полития переходит в subgroup *de facto* государств.

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

При этом не следует упускать из виду, что получивший дипломатическое и юридическое выражение отказ признавать *de facto* государство есть косвенное подтверждение вынужденного признания факта его существования и тем самым возможности его признать при изменении некоторых условий.

Можно выделить градации признания и варианты перехода от самопровозглашения к утверждению в качестве ячейки координатной сетки. Это следующие условные ступени:

— всеобщее, т.е. полное и всеобъемлющее, признание всеми без исключения акторами международной системы;

— практическое признание (членство в ООН, признание рядом государств и отсутствие эксплицитного непризнания со стороны остальных);

— фактическое признание (установление формальных отношений с рядом государств, использование правовых ресурсов *de facto* государства в практических транзакциях);

— частичное признание (установление фактических отношений с рядом государств, неформальное использование политических ресурсов и общественных благ *de facto* государства в практических транзакциях);

— минимальное признание (получение поддержки хотя бы от одного или нескольких государств, которое препятствует ликвидации самопровозглашенного государства).

Важнейшим фактором не только признания, но и полномасштабного и полноценного обретения статусности является развитие сначала самопровозглашенным, а затем и *de facto* государством своей состоятельности.

Состоятельность государств

Состоятельность как соответствие своей собственной природе государства-состояния (*stateness*) крайне слабо изучена в политической науке. Это и понятно. Сама категория состоятельности появилась в на-

уже сравнительно недавно, да и то в крайне общем и приблизительном виде. Первым, вероятно, ввел в оборот этот неологизм Джон Питер Неттл еще в 1968 г.⁸ Он дал предварительное определение государства как «привратника, регулирующего потоки действий внутри и вне соответствующей общности» (*the gatekeeper between intrasocietal and extrasocietal flows of action*), а затем обратил внимание на «страны с низкой степенью “состоятельности” (*stateness*) в интрасоциетальной области»⁹. Далее Неттл рассмотрел в своей статье сравнительные аспекты использования разными государствами как статусности, так и состоятельности, не слишком отчетливо дифференцируя эти две стороны государственности.

Следующий шаг сделал Чарльз Тилли в знаменитом сборнике о формировании государств, который вышел под его редакцией в 1974 г. Во вводной теоретико-методологической главе он ссылается на статью Неттла и определяет состоятельность как «степень, в которой инструменты правления разделены (*differentiated*), централизованы, самостоятельны (*autonomous*) и формально скоординированы друг с другом»¹⁰. Далее Тилли выделяет специальный параграф о состоятельности, где показывает диалектику усиления состоятельности. «Предельная состоятельность не гарантирует политической стабильности», а «ближайшие исторические последствия роста состоятельности — это увеличение вооруженных сил, налогов и народных мятежей»¹¹.

В последующие годы исследователи лишь эпизодически обращались к данному понятию для решения тех или иных задач. Что касается самого слова состоятельность (*stateness*), то оно нача-

⁸ Nettl J. P. The State as a conceptual variable // World politics. Princeton, 1968. Vol. 20. № 4. P. 559–592.

⁹ Ibid. P. 564.

¹⁰ The Formation of national states in Western Europe // Ed. by Tilly Ch. Princeton: Princeton univ. press, 1975. P. 32.

¹¹ Ibid. P. 35.

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

ло уверенно входить в политологический дискурс только в 1990-е гг. На данный момент наиболее разработанная, пожалуй, концепция состоятельности государства принадлежит Стефано Бартолини¹². Этот крупнейший компаративист операционализует его в четырех аспектах: а) создание организационных возможностей для мобилизации ресурсов; б) внешняя консолидация территории; в) поддержание внутреннего порядка; г) регулирующее вмешательство государства в экономическую и социальную сферы¹³.

Важным вкладом в изучение государственной состоятельности стала разработка Индекса государственности в рамках исследовательского проекта «Политический атлас современности», практически все параметры которого, за исключением времени существования суверенной государственности, относятся как раз к государственной состоятельности¹⁴.

Приходится признать, что при всем значении первых опытов изучения состоятельности государств это явление остается слабоисследованным. В основном используется весьма расплывчатое метафорическое противопоставление *Weak vs. Strong States*. В этом случае политики уподобляются сильным и слабым существам, вовлеченным в борьбу за выживание.

В основном изучены аспекты проблемы, связанные с дефицитом состоя-

тельности отдельных групп государств. Существует литература о различных формах и степенях ослабления государственной состоятельности вплоть до состояния краха государства (*state failure*).

Совсем не исследована проблема определения достаточной состоятельности для разных видов государств. Обычно обладающие такой состоятельностью государства характеризуются как сильные (*strong*), эффективные (*effective*), самоподкрепляющиеся (*sustainable*) и т.д. Все это, как правило, далеко не термины и даже не понятия, а скорее метафоры.

Не поставлен даже в теоретическом плане вопрос о возможных эффектах избыточной состоятельности отдельного государства или их видов. Конечно, можно возразить, что хорошего никогда слишком много не бывает. Однако это далеко не очевидно. Вполне вероятно, что избыток возможностей, которые на деле нельзя использовать, может обернуться проблемами. Что это за избытки? Какие проблемы они могут создать? Эти и подобные им вопросы, насколько мне известно, в научной литературе не рассматривались, хотя могли бы стать исходным моментом для развертывания целого научного направления в политической науке.

Вопрос о сбалансированной состоятельности государств также остается неизученным.

Что касается попыток выделения особых классов на основе критерия государственной состоятельности, то всерьез можно говорить о двух больших группах политий — квазигосударствах и несостоявшихся государствах.

Особый класс квазигосударств (*quasi-states*) был впервые выделен Робертом Джексоном и Карлом Росбергом еще в 1982 г.¹⁵ на основе изучения процессов деколонизации в Африке. Собственно, но-

¹² Bartolini. S. The political mobilization of the European left, 1860–1980. New York: Cambridge univ. press, 2000. P. 313–320; Bartolini. S. Restructuring Europe. Centre formation, system building, and political structuring between the nation state and the European Union. N.Y.: Oxford univ. press., 2005. P. 69–71, 90–95.

¹³ Bartolini. S. Restructuring Europe. Centre formation, system building, and political structuring between the nation state and the European Union. N.Y.: Oxford University Press, 2005, p. 70.

¹⁴ Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю. и др. М.: МГИМО, 2007.

¹⁵ Jackson R.H., Rosberg C.G. Why Africa's weak states persist: The empirical and the juridical in statehood // World politics. Princeton, 1982. Vol. 35. № 1. P. 1–24.

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

вые независимые страны Африки как раз и составили ядро группы государств, которые были включены в международную систему за счет их полного признания и поддержки их суверенных прерогатив международным сообществом, но при этом сами не смогли обеспечить адекватное функционирование собственных государственных институтов. Если ослабление государственной состоятельности квазигосударства достигает качественно-го предела адекватного функционирования государственных институтов, когда на соответствующей территории не может поддерживаться минимальный порядок, то его обычно характеризуют как несостоявшееся государство (*failed states*).

Название квазигосударства для данного класса политий было предложено только через пять лет Робертом Джексон¹⁶, который использовал терминологическую новацию классиков «английской школы» Хедли Булла и Адама Уотсона¹⁷. Основой же для формирования целого направления по изучению квазигосударств стала книга самого Роберта Джексона «Квазигосударства: суверенитет, международные отношения и Третий мир»¹⁸. Впрочем, существуют и другие оценки. «Хотя эта книга стала очень влиятельной, — как отмечает Пол Колсте, — его ключевой терминологии не повезло, и она не утвердилась»¹⁹. Норвежский ученый признает, что термин «квазигосударства» «до сих пор используется в части специальной научной литературы», и, добавлю, хорошей литературы, связанной с изучением соответствующего класса политий, впол-

не корректным образом. Однако Колсте смущает, что «в журналистике и жаргоне политики другие слова используются для того, чтобы описать те же или почти те же явления, которые характеризуются Джексон^{ом} как квазигосударства».

Данные обстоятельства позволили Полу Колсте укрупнить класс квазигосударств, пользуясь общим критерием дефицита суверенитета. Одновременно он сознательно пошел на выделение двух типов квазигосударств: одного в джексоновском смысле (дефицит внутреннего суверенитета), а другого в собственном (дефицит внешнего суверенитета). Соответственно в точном смысле интересующий его тип он назвал «непризнанные квазигосударства».

Представляется целесообразным не отказываться от терминологии Роберта Джексона и отличать квазигосударства с дефицитом состоятельности, но очевидной статусностью от непризнанных *de facto* государств с дефицитом статусности, но очевидной состоятельностью. При этом не только возможно, но и необходимо выделять группу политий с двойным дефицитом и статусности, и состоятельности. Именно для них будет вполне уместен предлагаемый Полом Колсте термин «непризнанные квазигосударства»²⁰.

Класс квазигосударств в точном джексоновском смысле отличается своим набором групповых «семейных сходств». К их числу относятся прежде всего симуляционный характер государственных институтов и практик. В данном случае под симуляцией понимается особый способ усвоения институтов и практик, а именно воспроизведения желательных результатов (продукт без *know how* его по-

¹⁶ Jackson R.H. Quasi-states, dual regimes and neoclassical theory// International Organization. 1987. Vol. 41. № 4. P. 519–549.

¹⁷ Bull H., Watson A. The expansion of international society. Oxford: Clarendon press, 1984. P. 430.

¹⁸ Jackson R.H. Quasi-states: Sovereignty, international relations and the third world. Cambridge: Cambridge univ. press, 1990.

¹⁹ Kolst P. The sustainability and future of unrecognized quasi-states// Journal of peace research. L., 2006. Vol. 43. № 6. P. 725.

²⁰ Используемый для обозначения данной группы термин *псевдогосударства* (pseudo-states) (см. напр., работу Kolosov V., O'Loughlin J. Pseudo-states as harbingers of a new geopolitics: The Example of the Transdnestr Moldovan Republic (TMR) // Boundaries, Territory and Postmodernity. L.: Frank Cass, 1999. P. 151–176) представляется излишне радикальным и несистемным.

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

лучения). Этот способ отличается от имитации — усвоения институтов и практик путем воспроизведения алгоритмов получения желательных результатов (*know how* получения продукта). Естественно, что воспроизведение внешней формы государственных институтов без проработки их содержания и, главное, логики обретения эти институтов ведет к нежелательным эффектам. Институты учреждаемого государства, с одной стороны, не способны адекватно осуществлять функции тех внешних институтов, которые заимствовались, а с другой стороны, они также не имеют достаточной связи с автохтонной почвой, чтобы трансформироваться и прижиться в новой среде.

Как утвердиться в семье государств?

Прежде всего следует максимально адекватно осуществлять функции своей ячейки. Это означает, что по возможности стоит более отчетливо установить²¹ и рационализировать ее масштаб. От этого, а также от исторически сложившихся отношений с государствами-соседями, великими державами и региональными гегемонами зависит исходный диапазон притязаний на функции, роль и место в мировой и региональной политике. Однако этот диапазон может и должен быть уточнен, как правило, сужен или «сдвинут» в зависимости от складывающейся конъюнктуры и ресурсного (природного, социально-демографического, культурного, инфраструктурного, военного и т.п.) потенциала. Наконец, характер собственной государственной состоятельности позволяет определить наиболее

оптимальные направления притязаний внутри их уточненного диапазона.

Принципиально важно добиться максимального развития внешних и внутренних функций государства и их сбалансированности. В числе внешних функций следует прежде всего выделить участие в поддержании международного порядка, в решении проблем гуманитарного и правового порядка и т.п. Результатом такого участия становится фактическое международное признание в разных масштабах и формах. Этому же способствует привлечение внешних партнеров для охраны и реконструкции объектов, имеющих экологическую и культурную значимость в региональных и международных масштабах.

Что касается внутренних функций, то здесь приоритет состоит в обеспечении политического и правового порядка внутри территории государства и, как результат, политической легитимации или признании конституции и режима соответствующей страны ее гражданами.

В практическом плане важно:

- определить характер и функциональную нагрузку своей ячейки (понять пределы притязаний и возможностей);
- уточнить характер внешних и внутренних вызовов;
- наметить адекватный объем и характер внешнего сотрудничества и тем самым фактического признания.

Важно также учитывать фактор времени, а точнее, «привыкания» как соседей, так и других членов мирового сообщества к той или иной конфигурации отношений между территориальными политиями. При этом «привыкание» может и мешать, и помогать решению практических задач. Следует таким образом усиливать или ослаблять значение этого фактора, чтобы добиться позитивной динамики фактического включения частично признанного государства в региональную и мировую политику и на этой базе продвинуть его формальное признание и обретение искомой статустности.

²¹ Задача установления масштаба может быть осложнена тем, что многие политии находятся в «серой зоне» между двумя классами. Так, в упоминавшейся работе Коломера на три основных класса разделяются полторы сотни политий, тогда как в ООН входят сейчас 193 страны. Вероятно, недостающие 4–5 десятков стран с трудом можно отнести к той или иной группе в силу их неопределенного положения, сочетания черт разных классов или высокой своеобразности.